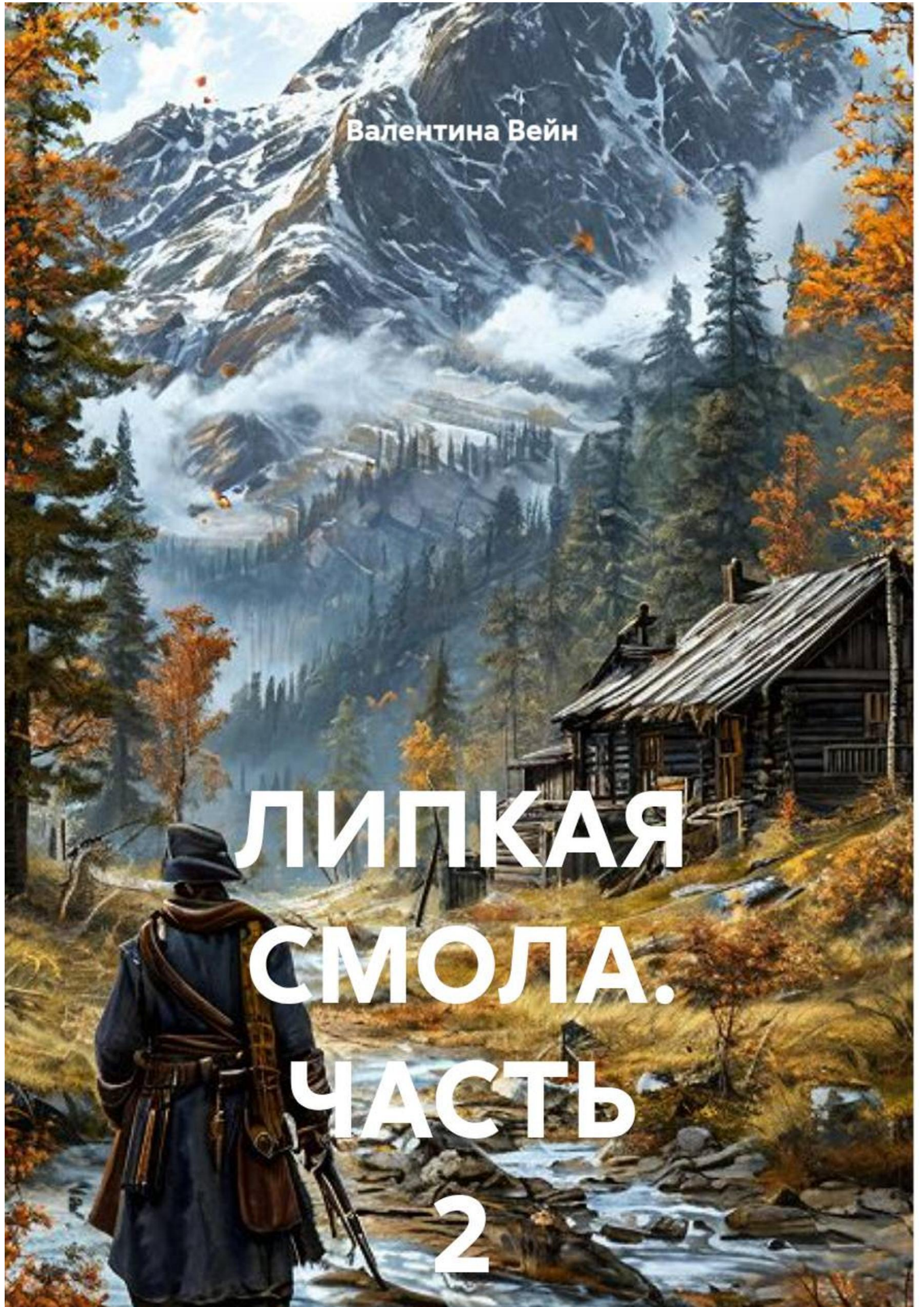

Валентина Вейн

ЛИПКАЯ
СМОЛА.
ЧАСТЬ
2

Валентина Вейн

ЛИПКАЯ СМОЛА. ЧАСТЬ 2

«Автор»

2026

Вейн В.

ЛИПКАЯ СМОЛА. ЧАСТЬ 2 / В. Вейн — «Автор», 2026

Продолжение романа "Липкая смола. Часть 1". В части 2 наш герой Игнат погружается в среду выживания, рушатся его старые убеждения через любовь, а враждующие стороны сталкиваются лбами настолько, что выход один: или смерть, или свобода. Свобода не только от врага, но и от государевй машины

© Вейн В., 2026

© Автор, 2026

Валентина Вейн

ЛИПКАЯ СМОЛА. ЧАСТЬ 2

ЧАСТЬ 2. МЕДВЕЖИЙ УГОЛ.

ГЛАВА 6. МЯГКАЯ РУХЛЯДЬ

От Енисея несло мертвечиной. Река, еще недавно гнавшая тяжелые валы к Студному морю, превратилась в мутное зеркало. По черной воде уже ползла первая острая шуга - предвестник ледостава. Зима наступала не сверху, она лезла из-под земли, пытаясь выморозить Сибирь до самого нутра. Игнат стоял во дворе пушного склада купца Мытникова. Смрад здесь бил под дых: гниющая кровь, прелая шерсть, деготь и пересушенная герань. Травой обычно перекладывали меха от моли, но сейчас запах цветка казался запахом могилы. К этому густому духу примешивался третий - кислый, железный запах липкого ужаса. Фрола Прошкина нашли здесь позавчера. Он лежал лицом вниз, уткнувшись носом в ворох соболей. Глаза у него закатились так, что остались только белые слизистые бельма, похожие на речную гальку. Теперь амбар был пуст. Хозяин успел вывезти первосортный товар, оставив следствию лишь стылый воздух да глубокие царапины от полоза на мерзлой земле.

- Третий день топчемся, вашбродь, - сипло пожаловался сзади Савелий, переминаясь в валенках по жирной грязи. - А толку? Замок-то изнутри закрыт. Сам себя порешил Фролка, грех великий перед смертью смыл. Или лешак его водил за нос.

Игнат промолчал. Он смотрел на замок. Тяжелая пудовая гиря кузнечнойковки. Чтобы закрыть такую махину изнутри, нужно иметь плечи сажень в ширину... или хитрость. Игнат присел на корточки, разгребая сапогом грязную солому у порога. Пальцы наткнулись на дерево. Не щепу - ровный срез. Чурка была аккуратно подсунута под тяжелую створку ворот, чтобы те не захлопнулись насмерть, а оставили щель шириной в палец.

- Ждал он, - глухо сказал Игнат, поднимаясь. - Ждал того, кто снаружи придет. А как тот вошел, Фрол уже внутри стоял. Бежать ему было некуда, кроме как в угол, к товару.

- Так коли ждали они друг друга, чего ж резать-то? - удивился Савелий. - Поделить не могли? За дешевку удавят запросто.

Игнат подошел к стене, где висела доска учета. Сальная плошка давно погасла, оставив восковой натек, похожий на посмертную маску. Углем были выведены цифры. «Соболь баргузинский (головка) - 120». Эту цифру он знал лучше молитвы. Столько государевых шкур должен был принять Фрол для отправки в столицу. Бобр, лиса, горностай... Но взгляд его зацепился ниже. Там, где старая сосна рассохлась, виднелись свежие царапины гвоздем. Тайная бухгалтерия душегуба. «Хвосты - 400. Белые шейки - 80. Зерно - 15».

Сердце ударило в горло тяжелым комом. «Зерном» на их жаргоне звали не хлеб. Это был черный соболь-недолис. Без единой белой искры в шерсти. Шкурка такого зверя стоила столько, что можно было купить чин надворного советника, дом в Петербурге или уйти через границу навсегда, сменив имя и кожу. Пятнадцать штук. Этого хватило бы, чтобы исчезнуть. Раствориться в степях Монголии или чайных домах Шанхая.

Картина встала перед глазами ясная и страшная. Фрол годами таскал царю кошekin сор, придерживая лучших соболей. Вместо черного золота в Петербург уходили рыжие недомерки. Разницу - «зерно» - копил. Амбар Мытникова был просто перевалкой. Настоящий схрон ждал где-то у реки. Как только Енисей схватится намертво, Фрол должен был рвануть на санях. Бросить службу, бросить тайгу, купить себе дворянство. Кто-то узнал. Кто-то, кто понимал цену этого мешка. И этот кто-то пришел ночью. Убийца подходит к складу. Видит световую щель.

Фрол ждет своего, думает - доля приехала. Дверь открывается. Внутри темно, пахнет деньгами и страхом. Короткий блеск стали. Всхлип. Тело падает на самый мягкий мех, чтобы кровь ушла в мездру, а не растеклась лужей, выдавая драку. Убийца хватается свое - пятнадцать черных жемчужин - и уходит. Фрол остается. Украден дважды: сначала у царя, потом у бога.

Ветер со стороны Енисея швырнул Игнату в лицо пригоршню ледяной крошки. Озноб наконец прорвало наружу крупной дрожью. Мотив. Господи, какой чистый мотив нарисовался теперь у него самого. Если убийца свой. Если это казачий голова, знающий тропы. Если это писарь, сводящий книги и увидевший дыру в отчете...

А если это сам Игнат? Мысль пришла не извне. Она родилась внизу позвоночника холодной каплей яда и стекла в живот. Три года он гниет в этих дырах, приезжая по велению государя. Три года спит в шинели. Его жалованья не хватит даже на билет до Томска, не то что до столицы. Впереди - отставка без пенсионера, чахотка и ночлежка для бродяг. Пятнадцать шкур «зерна». Это свобода. Это тепло. Это доктор, который остановит кровь, идущую горлом каждое утро.

Фрол предал всех. Царя, превратившего Сибирь в рудник. Товарищей, доверивших ему спины. Землю, отдающую своих детей ради шуб столичных дур. Предатель заслуживал ножа. Это понимала каждая собака в остроге. А Игнат должен найти эту собаку. Найти человека, который сделал работу за палача, и отдать его в руки закона. Потому что если он найдет «зерно» первым...

- Ваше благородие! - испуганный голос Савелия вырвал его из оцепенения. — Да вы белый весь. Захворали? Игнат посмотрел на свои ладони. Они тряслись мелкой собачьей дрожью. Не от холода. От липкого, сладкого вкуса греха, который вдруг показался спасением. Природа вокруг сошла с ума вслед за ним. Тучи легли на крыши домов брюхом, грозя раздавить город. Енисей под берегом тяжело ворочался, ломая первое ледяное крошево. Мир сузился до размеров тесной могилы.

- Пойдем, Савелий, - просипел Игнат. - Водки дай. И списки неси. Всех, кто видел Фрола живым последние два дня. До последнего золотаря.

Ночь упала на город не темнотой, а тяжелой серой ватой. В комнате становой квартиры Игнат зажег три свечи разом. Желтый жирный свет падал на карту уезда. Красные ниточки маршрутов Фрола перечеркивали тайгу крест-накрест.

Он снова думал об убийстве. О том, как легко сталь входит меж ребер, если знать, куда бить. Этому учат не в корпусах. Этому учит либо война, либо голод. За окном завывала псина. Протяжно, безнадежно, оплакивая не мертвого курьера, а живых, которые завтра утром проснутся и продолжат грызть друг другу глотки за клочки меха.

Игнат налил водки в помятую оловянную кружку. Руки почти успокоились. Он пил, не чувствуя градуса. Перед глазами стояло число - 15. Он искал убийцу. Но темная, промерзшая на сибирских сквозняках часть его души истово хотела, чтобы этот убийца успел спрятать мешок поглубже. Туда, куда сам Игнат сможет запустить руку после суда. Утро пришло не рассветом, а просто посветлевшей мглой.

Сверху летела не то крупа, не то замерзший туман - белая пыль, впивающаяся в щеки тысячами игл. Они начали обход с кабаков. Воздух там стоял густой, хоть ножом режь: смесь прокисших щей, сивухи и мокрой овчины. Люди смотрели волками. Каждый второй держал руку под столешницей на рукояти свинчатки. Сибирь слабых не держит, а приезд следователя всегда значил одно: кого-то сейчас потянут в холодную, и пусть это будет сосед.

К обеду пазл начал сходиться. Фрол зарвался. Он воровал не только у казны, но и залез в карман местным князькам. В бане на окраине, где пар ел легкие, старый татарин Саид, голый и красный, прошептал Игнату:

- Совсем плохой Фролка стал. Сказал людям Бельдыря, что ханты серебро везут. Послал грабить. А хантов тех нет. Фрол сам ихний ясак на тракте перехватил. Бельдырь лютует. У них закон знаешь какой? Глаз за глаз, зуб за зуб, а за соболя жилы вытягивают.

Для инородцев эта «мягкая рухлядь» была кровью предков. Обокрасть русского чиновника - доблесть. Перехитрить родового вождя - смертный приговор.

- Где искать Бельдыря? - спросил Игнат, глядя на капли пота, разъедающие грязь на лице татарина.

- Нету Бельдыря, - мелко закрестился Саид. - Вчера всплыл. Под мостом торговым. Льда нет еще, вода быстрая несет. Распух сильно. Будто месяц там лежит. А третьего дня я его живого видел, румяного.

Вечером Игнат сидел над протоколом доктора Лейбовича. Сухой еврей, единственный в городе человек без мозолей.

- Резанули слева, Игнат Петрович, - протирая очки, говорил врач. - Умело. Клинок узкий, хороший. Засапужник. Прямо в сердце, сверху вниз. Сразу умер, не мучился.

- Значит, не грабеж, - кивнул Игнат.

- Именно, - близоруко сощурился Лейбович. - Еще вот... Под ногтями у покойного кора кедровая. Свежая, смолистая. И сажа костровая. Последнюю ночь господин курьер не в перине спал. На лапнике, у огня.

Смолы. Слово обожгло память. Липкая, желтая, невымываемая сосновая смола. Игнат вышел на крыльцо. Острог утонул в морозном тумане. Где-то там, верстах в десяти, стояли зимовья. Черные избы промысловиков. Фрол решил бежать. Почуял петлю. Взял свое «зерно» - пятнадцать шкурок - и ушел в лес. Залег ждать шума. Но убийца пошел за ним. Тот, кому тоже нужен был мешок черного золота. Или тот, кому Фрол остался должен последнюю плату.

Игнат вернулся в тепло. Достал из сейфа свою личную карту охотничьих угодий. Ту, которую никогда не сдавал начальству. Он поставил жирный химический крест на зимовье раскольника Ерофея. Самое дальнее. Самое гиблое место. Оттуда до границы ближе, чем до степи за сопками.

- Запрягай, Савелий, - бросил он, затягивая ремни патронташа. - Берем сухарей, огнива и много пуль. Мы едем смотреть мертвецов.

- Помилуй, ночь на дворе, Игнат Петрович! - ахнул урядник. - Волчье время!

- Самое оно для мягкой рухляди, - криво усмехнулся Игнат. - Соболю ночной зверь. И мы теперь такие же.

Лошади храпели, выбивая дробь подковами по мерзлым кочкам. Страх больше не давил. Он выкристаллизовался в холодный кусок льда. Игнат правил конем, прячась лицом в воротник от секущего ветра. В голове билось одно слово: успеть. Успеть раньше, чем метель сотрет следы. И главное - не дать тому, второму, уйти с добычей.

Впереди, во мраке, раздался протяжный вой. Ему ответили ближе. Савелий перекрестился.

- Серые вышли, вашбродь.

- Нет, - отозвался Игнат, проверяя барабан револьвера. - Это ветер в старых ловушках скачет. Погнали. Нас ждут великие дела.

ГЛАВА 7. ЧЕРНАЯ РУБАХА

Стук в ворота скита был похож на удар лбом о мерзлую землю, такой глухой, отдающийся болью в зубах. Игнат бил обухом пистолета по тесовым воротинам уже минут десять. С неба падала та самая сибирская крупа: не снег, а мелкая ледяная дробь, которая секла лицо до крови и намертво примерзала к ворсу шинели. Скит стоял в распадке, куда даже ветер боялся спускаться - слишком густо стояли кедры, сцепившись ветвями над головой. Место было дикое,

намоленное страхом. Пахло здесь гарью, прелым листом и чем-то сладковато-тленным, как пахнет старая древесина, долго пролежавшая в сырости.

- Кто государевых людей тревожит?! - наконец рывкнул из-за забора голос, хриплый, как несмазанная колодезная цепь.

- Власть приехала! Игнатий Мещеряков! - крикнул Савелий, стряхивая сосульки с усов.
- По именному указу о розыске татя и душегуба! Отворяй!

Ворота заскрипели так, словно их отрывали от петель вместе с фундаментом. В проеме встал старик. Высокий, сутулый, но широкий в кости, как старый пень. На нем была длинная домотканая рубаха из черного сукна, подпоясанная простой веревкой. Лицо цвета мореного дуба прорезали трещины-морщины, а глаза были белесыми, почти невидимыми под седыми бровями. Игнат шагнул внутрь, отодвинув плечом хозяина. За спиной тут же сомкнулись ворота, отрезая серый свет дня. Двор был пуст. Ни собаки, ни скотины. Только голые черные ранетки да сугробы, доходящие до оконцев, вросших в землю. Изба стояла темная, слепая.

- Мир дому, дед, - сказал Игнат, снимая шапку. Холод внутри двора пробирал сильнее, чем на улице. - Мы ненадолго. Дело казенное. Старик молчал. Он просто смотрел на них белыми глазами, и в этом взгляде не было ни страха, ни злобы - одна бесконечная усталость камня.

- Где народ? - спросил Савелий, озираясь. - Куда все попрятались?

- Нету народу, - прошелестел старик. Губы его едва шевельнулись.

- Я один живу. Богу служу.

- Один он... - фыркнул Савелий. - А кто дрова колет? Кто сети ставит? У тебя поленица свежая, топорище еще смолой пачкается.

Игнат поднял руку, останавливая урядника. Давить сейчас - значит уйти ни с чем. Старообрядцы умели держать язык за зубами лучше, чем каторжники в рудниках. Их молчание было плотным, как стена амбара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.